

ЧЕЧНЯ: 1991–2009

ДАВИД ШТЕРН

Давид Штерн

Чечня: 1991-2009

«Автор»

2026

Штерн Д.

Чечня: 1991-2009 / Д. Штерн — «Автор», 2026

«Чечня: 1991-2009» - книга о двух войнах, которые официально назывались «восстановлением конституционного порядка» и «контртеррористической операцией». О том, как депортация 1944 года и распад СССР привели к власти Дудаева, как новогодний штурм Грозного обернулся катастрофой, а Хасавюрт - унижением. О межвоенном хаосе, похищениях, ваххабитах и вторжении в Дагестан. О второй войне, Дубровке и Беслане, чеченизации и конце КТО в 2009-м. Эта книга не для историков. Не для политиков, у которых давно есть готовые ответы. Она для тех, кто слышал про «первую» и «вторую чеченскую», но так и не понял, чем они отличались друг от друга. Для тех, кто помнит сводки новостей девяностых и нулевых, но забыл детали. И для тех, кто родился позже и вообще не понимает, о чём речь. Чеченские войны - часть нашей общей истории, и мы не имеем права её забыть.

© Штерн Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	6
Часть первая. Как всё началось (1991-1994)	8
Глава 1. Союз трещит по швам	8
Глава 2. Республика без закона	11
Глава 3. Оппозиция против Дудаева	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Давид Штерн

Чечня: 1991-2009

Чечня: 1991-2009

Содержание

Введение

Часть первая. Как всё началось (1991-1994)

Глава 1. Союз трещит по швам

Глава 2. Республика без закона

Глава 3. Оппозиция против Дудаева

Глава 4. Решение, которое всё изменило

Глава 5. Новогодний штурм

Глава 6. Война и гражданские

Глава 7. Война выходит за пределы Чечни

Глава 8. Кизляр и Первомайское

Глава 9. Год выборов

Глава 10. Август 1996. Хасавюрт

Часть вторая. Между войнами (1996-1999)

Глава 11. Мир, которого не было

Глава 12. Ваххабиты

Глава 13. Похищения

Глава 14. Вторжение в Дагестан

Глава 15. Взрывы

Часть третья. Вторая война (1999-2009)

Глава 16. Начало

Глава 17. Второй штурм Грозного

Глава 18. Дубровка

Глава 20. Беслан

Глава 21. Чеченизация

Глава 22. Конец КТО

Заключение

Приложение. Хронология основных событий

Введение

Эта книга не для историков. Не для политиков, у которых давно есть готовые ответы. Она для тех, кто слышал про «первую» и «вторую чеченскую», но так и не понял, чем они отличались друг от друга. Для тех, кто помнит сводки новостей девяностых и нулевых, но забыл детали. И для тех, кто родился позже и вообще не понимает, о чём речь, когда старшие при слове «Чечня» замолкают и меняют тему.

Я не буду делать вид, что знаю всю правду. Её нет ни у кого. Но есть факты, документы, показания, судебные решения, мемуары участников, журналистские расследования. Есть хронология, которую можно восстановить по датам. И есть вопросы, на которые до сих пор нет честных ответов. Всё это я собрал и разложил в порядке, который позволяет увидеть картину целиком: от первых собраний в грозненских залах осенью 1990 года до отмены режима контр-террористической операции весной 2009 года.

Две войны. Первая длилась с декабря 1994 года по август 1996-го. Вторая началась в августе 1999-го и формально закончилась 16 апреля 2009-го. Между ними три года, которые многие считают мирными. На самом деле это была пауза между приступами одной болезни, и за эти три года будущая война готовилась так же старательно, как готовятся к любой войне.

Почему это важно сейчас? Потому что те события никуда не делись. Чеченский вопрос стал одним из краеугольных камней всей конструкции, которая выросла в нулевые: вертикаль, договор центра с регионами, роль силовых структур, отношение к памяти.

Есть и ещё одна причина. О чеченских войнах почти не существует общей памяти. У Великой Отечественной есть музеи, фильмы, учебники, общий язык описания. У чеченских войн есть зияющие пустоты. В школьных учебниках им отведены пара абзацев, в кино они живут в нескольких картинах, которые помнит узкий круг зрителей, в государстве нет официальной истории, потому что любая честная история задевает живых и влиятельных. Ветераны обеих сторон молчат, каждая община помнит своё, и эти воспоминания не соприкасаются. Получилось так, что самая крупная и самая близкая по времени война внутри России осталась без общего названия, без общего счёта потерь и без общего разговора о причинах.

Эта книга попытка разложить по полочкам то, о чём мы привыкли либо молчать, либо говорить штампами. Я старался держаться фактов и дат. Там, где цифры расходятся, а они расходятся часто, я привожу разные оценки и называю, кто их дал. Там, где события оспариваются, я объясняю, кем и почему. Там, где у меня есть позиция, я говорю об этом прямо, но стараюсь отличать своё мнение от установленного факта. Никаких лозунгов, никакого деления на правых и виноватых заранее. Просто то, что случилось, и люди, которые там были.

Отдельное слово о терминах, потому что терминология здесь сама по себе поле боя. Официальное название второй войны, «контртеррористическая операция», закрепляет представление, что это была полицейская акция против террористов. Первая война официально называлась «восстановлением конституционного порядка». Ни одно из этих названий не описывает реальность: обе кампании велись армейскими группировками численностью в десятки тысяч человек с применением авиации и тяжёлой артиллерии против противника, имевшего армейскую структуру. В книге я называю вещи их именами: это были войны, а слово «боевики» использую так, как его использовало само время, для вооружённых сторонников Ичкерии, не забывая, что среди них были и защитники своих сёл, и наёмники, и террористы.

Книга построена по хронологии. Первая часть рассказывает о распаде советской системы и о том, как Чечня оказалась вне закона между 1991 и 1994 годами. Вторая часть посвящена первой войне, от новогоднего штурма Грозного до Хасавюртовских соглашений. Третья часть описывает межвоенный период, который был не миром, а паузой: независимость без государства, похищения людей, распространение радикального ислама, вторжение в Дагестан и взрывы

жилых домов. Четвёртая часть о второй войне, и о том, как федеральный центр передал управление республикой местной элите. Пятая часть о том, что осталось: о цифрах потерь, о спорах, которые не утихают, и о памяти, которая никуда не денется.

В конце книги я поместил хронологию основных событий и короткий список литературы для тех, кто захочет углубиться. Это не библиография в научном смысле, а ориентир: какие книги написаны участниками, какие журналистами, какие исследователями, где искать документы правозащитных организаций.

Обращение к читателю у меня простое. Не соглашайтесь со мной просто так. Проверьте даты, читайте документы, разговаривайте с теми, кто помнит. Чеченские войны слишком важны, чтобы знать о них только по обрывкам. Пока у нас нет общей карты этих событий, каждый строит свою, и на этих личных картах вырастают злость, обида и равнодушие. Свою карту я здесь и выкладываю.

Часть первая. Как всё началось (1991-1994)

Глава 1. Союз трещит по швам

Чтобы понять, что произошло в Чечне, нужно начать не с 1991 года и даже не с горбачёвской перестройки. Начать нужно с 1944-го, потому что вся политическая энергия Чечни девяностых выросла из одной травмы, самой старой и самой тяжёлой.

23 февраля 1944 года, на рассвете, солдаты НКВД начали операцию «Чечевица». Жителям Чечено-Ингушской АССР объявили, что они выселяются в Казахстан. На сборы дали минуты, брать с собой разрешалось то, что можно унести в руках. Почти полмиллиона чеченцев и ингушей погрузили в товарные вагоны. Люди ехали без воды, без еды, в эшелонах, где замерзала вода и не было топлива. Сколько умерло в дороге и в первые годы на новых местах, точно не знает никто: учёты велись небрежно, а признавать масштаб было некому. Разные подсчёты дают от трети до половины народа.

В 1957 году республику восстановили, чеченцам разрешили вернуться. Они возвращались в свои дома, где теперь жили другие люди, заселённые сюда в годы их отсутствия. Земельные споры, недоверие, старые обиды стали частью повседневности на десятилетия. Никакой ответственности никто не понёс, никаких репараций не было, обсуждать депортацию было запрещено. Молчание о 1944 году стало семейной памятью: о нём рассказывали дома, шёпотом, детям и внукам. К концу восьмидесятых это молчание ослабло, и когда пришла перестройка, вся накопленная обида нашла выход в политике.

Возвращение было тяжёлым и беспокойным. Люди ехали в разрушенную республику, где их дома занимали переселенцы из других областей, а в 1958 году в Грозном вспыхнули уличные волнения, в которых русское население выступало против возвращения чеченцев. Власть отвечала давлением, репрессиями, выселениями из обжитых домов. Всё это тоже вошло в семейную память, и к 1991 году у народа было две обиды: депортация и то, как с ним обошлись после возвращения. Любой политик, который умел обращаться к этим обидам, получал в Чечне мгновенный кредит доверия.

Сами по себе чеченцы к началу девяностых были народом с необычной для СССР структурой. Тейповая система родства, горская этика, сильные традиции самоуправления, советы старейшин. Советская власть так и не встроила их до конца в стандартную модель колхоза и исполкома: у чеченцев работали свои механизмы регулирования, свои авторитеты, и любое решение, которое не прошло через эти механизмы, оставалось формальным. Для Москвы это всегда выглядело как «криминализация» и «архаика», для самих горцев как нормальная жизнь. Понимание этого несоответствия многое объясняет в том, что случилось потом: Москва собиралась управлять Чечней так же, как любой другой областью, и не заметила, что рычагов у неё там нет.

Экономика Чечено-Ингушетии к концу восьмидесятых была вполне современной для такого региона. Грозненский нефтеперерабатывающий комплекс, один из старейших в стране, химические производства, машиностроение, сельское хозяйство равнины, овцеводство гор. В республике жило около миллиона трёхсот тысяч человек, из них почти семьсот тысяч чеченцев, около трёхсот тысяч русских, около ста шестидесяти тысяч ингушей и десятки тысяч людей других национальностей. Грозный был многонациональным городом с университетом, театрами, нефтяным институтом, который готовил специалистов для всей страны. Никто в 1989 году не предположил бы, что через пять лет от этой общности почти ничего не останется.

В конце восьмидесятых Советский Союз начал разваливаться. Не сразу, не в один день, но неумолимо. Прибалтика требовала независимости и в 1990-м фактически её добились.

Грузия, Армения, Молдова шли тем же путём, каждая со своей драмой: Тбилиси в апреле 1989-го, Баку в январе 1990-го. Республики повышали статус своих конституций, центр терял рычаги, экономика трещала по швам. На Северном Кавказе тоже зашевелились. В каждом регионе появился свой народный фронт, своё движение, свои лозунги, от суверенитета внутри Союза до полного выхода.

В ноябре 1990 года в Грозном собрался Общенациональный конгресс чеченского народа, сокращённо ОКЧН. Организация, которая поначалу выглядела как национально-культурное движение быстро превратилась в политическую силу. Требования были ещё осторожными: сначала говорили о союзной республике внутри обновлённого СССР, а не о независимости. Но сам факт, что собрание в Грозном подписывает декларации о суверенитете, показал, что центр утратил контроль над ситуацией.

За спиной у конгресса стояло и другое измерение чеченской жизни. К концу восьмидесятых в республике работали десятки самостоятельных объединений: общества сохранения языка, народные университеты, кружки истории. Депортация перестала быть темой семейного шёпота: о ней начали писать в местной прессе, снимать передачи, старейшины стали публично рассказывать на встречах. Вайнахская интеллигенция: учителя, врачи, инженеры, впервые стала обсуждать 1944 год открыто, и эти обсуждения формировали политический язык эпохи. Молодёжь читала всё подряд, от горской поэзии до переводных брошюр о правах народов. Это была нормальная жизнь общества, которое десять лет назад не имело права говорить о собственной истории.

Возглавил конгресс Джохар Дудаев. Карьера у него была уникальная для выходца из маленького горного села. Бомбардировочная авиация, полёты в Афганистане, командование авиационной дивизией в эстонском Тарту, звание генерал-майора, первого и единственного чеченца в такой должности. Он был харизматичен, жёсток, уверен в себе и умел говорить с толпой так, что зал вставал. Офицерская выправка и военная лексика придавали его речам вес. Он не боялся Москвы и не просил у неё ничего, и именно это в Чечне ценили больше всего. За его спиной стояла биография, которая снимала главный упрёк противников: человек, который сделал карьеру в советской системе, не мог быть обвинён в том, что он «чужой» её ценностям.

Весной и летом 1991 года Грозный жил в непрерывных митингах. Площадь перед Домом политпросвещения, позже её назовут площадью Свободы, стала центром политической жизни. Люди стояли круглосуточно: палатки, полевые кухни, звукоусилители, охрана. Требовали ухода главы республики Завгаева, требовали признания ОКЧН, требовали суверенитета. Обычная для того времени атмосфера: то же самое происходило в Москве на Манежной, в Тбилиси, в Вильнюсе.

8 июня 1991 года часть делегатов ОКЧН объявила о создании независимой Чеченской Республики Ичкерия. Это уже была не культурная программа, а прямое отделение от СССР. Москва и грозненские власти отреагировали как на блажь, которую переживут. Официальные лица называли происходящее «истерией», журналисты «митинговой демократией».

После августовского путча ситуация в Грозном вышла из-под контроля окончательно. Верховный Совет Чечено-Ингушетии, который пытался балансировать между Москвой и улицей, разогнали. Сторонники Дудаева взяли под контроль телецентр, Дом Советов, силовые структуры. В конце октября прошли выборы президента и парламента Ичкерии, победил Дудаев. Явку официально объявили высокой, но наблюдателей не было, и сколько людей реально голосовало, неизвестно до сих пор. Москва выборы не признала, но и помешать не смогла. 2 ноября Съезд народных депутатов России объявил выборы недействительными. Это была единственная реакция.

7 ноября Борис Ельцин подписал указ о введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушетии. Выполнять его никто не стал. Войска к границам подтянули, но в республику не вошли. Вице-президент Руцкой прилетал в Грозный и вернулся ни с чем. Парламент России

10 ноября отменил указ, потому что было ясно: чтобы его исполнить, понадобится настоящая война, а для неё ни у кого не было ни воли, ни средств. Более того, из республики начали выводить воинские части, и почти всё их вооружение осталось на месте. Склады 92-й мотострелковой дивизии, учебные центры, базы МВД: танки, БТРы, артиллерийские системы, десятки тысяч стволов стрелкового оружия, миллионы патронов. Всё это досталось новому режиму и стало фундаментом его военной силы.

Весной 1992 года армия и МВД ушли окончательно. Оружие официально передали под контроль Дудаева, и это решение позже назовут величайшей глупостью эпохи. Грачев, тогдашний министр обороны, потом утверждал, что отдал Дудаеву половину арсеналов, чтобы тот сдержал криминал. Отдавать или не отдавать было почти бессмысленно: техника и так стояла на территории, где у Москвы не осталось ни гарнизонов, ни администрации. Но символ этой передачи был важен: он означал, что Москва признаёт Грозный как равного партнёра, хотя юридически Чечня оставалась субъектом Российской Федерации.

К середине 1992 года Чечено-Ингушетия перестала существовать как единое целое. Ингушетия, с которой чеченцев связывала общая республика с 1934 года, объявила о выходе и после тяжёлого осетино-ингушского конфликта осени 1992-го осталась в составе России. Конфликт этот, в котором погибли сотни людей, а десятки тысяч ингушей были выбиты из Пригородного района, показал всем на Кавказе, как Москва решает подобные проблемы: силой и в пользу тех, кто остаётся в составе федерации. Чечня сделала выводы. Она стала фактически независимой. Её независимость не признало ни одно государство мира, включая те, что сами отпадали от Советского Союза. Но юридическое непризнание ничего не меняло на земле. В республике действовали свои законы, свои стражи порядка, своя валюта будущего и своя судьба.

Пока Москва занималась собой, Ичкерия строила свои институты. В марте 1992 года приняли конституцию, объявили о гражданстве, начали формировать армию и суды. Часть структур существовала только на бумаге, часть работала: школы открывались, больницы лечили, депутаты заседали. Дудаевские чиновники ездили в Женеву и Стамбул, искали признания, договаривались о нефтяных контрактах. Москва тоже пыталась разговаривать: в 1992-1993 годах шли переговоры о разграничении полномочий, делегации ездили туда и обратно, подписывали протоколы. Проблема была в том, что ни одна сторона не верила в эти протоколы. Москва считала Чечню временной потерей, которую удастся вернуть административно или силой, Грозный считал переговоры тактикой до полного признания. Время работало против обоих: чем дольше республика жила без законов, тем сильнее становились те, кто зарабатывал на их отсутствии.

Москва в то время боролась за выживание. Шоковая реформа января 1992 года, противостояние с Верховным Советом, приватизация. Чечня числилась в списке проблем, но не первой и не самой горячей. Этим временем Москва занялась собой, а Грозный за полтора года построил государство наоборот, государство против государства.

Глава 2. Республика без закона

То, что происходило в Чечне с 1992 по 1994 год, в новостях называли «криминальной революцией». Это мягко сказано. Республика жила по правилам, в которых закон был одним из участников рынка, причём не самым сильным.

Начнём с экономики. В советские времена Чечня жила на нефти, машиностроении и трансфертах. Грозненский нефтеперерабатывающий комплекс был одним из старейших в стране, «Красный молот», «Оргнефтехимзаводы», нефтебазы и трубопровод Баку-Новороссийск, проходящий через республику. После отделения всё это потеряло контекст. Бюджетные деньги из Москвы перестали приходить. Пенсии и зарплаты бюджетников платить было нечем. Предприятия встали или работали вполсилы, специалисты разъезжались.

Оставалась нефть. Дудаевский Грозный качал её из старых скважин, перерабатывал на кустарных мини-заводах, горевших ночью по всей равнинной части республики, и продавал за наличные. Воровали из магистрального трубопровода, врезки становились целой отраслью. Бакинская нефть, идущая транзитом через Чечню, облагалась собственными сборами и регулярно «терялась» по пути. Москва считала убытки, Грозный считал доходы, и это был первый экономический конфликт, который позже сольётся с политическим. К 1994 году вопрос о транзите нефти стал отдельной строкой в московских разговорах о Чечне: без контроля над трубой российская нефтяная логистика на Каспии не работала.

Поверх нефти росла классическая экономика без государства. Не платили налоги не потому, что уклонялись, а потому, что платить было некому и незачем. Контрабанда, палёный алкоголь, автоперекупка, денежные махинации. В 1993-1994 годах в стране громче всего прогремело дело о фальшивых авизо, поддельных платёжных документах, на которых были обналичены триллионы рублей. Значительная часть печатной базы и организаторов сидела именно в Чечне, и это был не маргинальный эпизод, а отрасль, в которой участвовали люди из самых разных структур. Республика превратилась в дыру в правовом поле, через которую утекали деньги всей страны.

Грозный при этом оставался живым городом, и в нём шла жизнь, которая не вписывалась ни в телевизионную картинку, ни в официальные отчёты. Работали рынки, где торговали всем: от нефти и угля до контрабандных сигарет и кассет. Крутились мелкие бизнесы, обслуживающие потоки: автосервисы, обменные пункты, гостиницы для людей, которых в республике ничего не держало, кроме дела. Молодёжь, которая не нашла себя в этой экономике, уходила в отряды, где хотя бы кормили. Люди постарше держались за дома и огороды и ждали, что кто-то наведёт порядок. Город жил в двух временах одновременно: в советском прошлом, которое исчезало, и в криминальном настоящем, которое обещало остаться навсегда.

Дороги и железные дороги через Чечню стали зоной риска. Грабили поезда, останавливали и разбирали грузовые составы, захватывали грузовики на трассе Ростов-Баку. Летом 1994 года бандиты остановили и разграбили товарный состав прямо на перегоне, и это перестало быть сенсацией. Пассажиры ездили через Чечню с опаской, дальнобойщики предпочитали крюк через Калмыкию.

Периодически происходили и другие громкие эпизоды: захват автобусов, нападения на гарнизоны, расстрелы на границах. Российские силовики считали, что из Чечни в страну идут оружие, деньги и бандиты, и это была правда. Российское общество к 1994 году видело Чечню как «зону» на российской территории, место, где закон не работает. Именно эта картинка делала возможным всё, что случилось потом: чтобы отправить армию, не нужно было убеждать общественность, достаточно было показать записи про заложников. Урок был усвоен надолго: образ врага на экране работает лучше любых объяснений.

Но настоящей опорой новой реальности стало насилие. Захват заложников стал обычным делом. Людей брали на дорогах, в поездах, прямо из домов. Держали в подвалах и ямах, требовали выкуп по прайсу, который зависел от национальности и доходов жертвы. Тех, за кого не платили, убивали или продавали. Работоторговля в Чечне девяностых не метафора. О ней писали правозащитники, о ней говорили следователи российской прокуратуры, которые вели дела десятков жертв. Тела находили вдоль дорог, на окраинах селений, в лесу под Грозным. Официальных статистик не существовало, потому что обращаться в чеченские структуры было бессмысленно, а российские органы на территории республики не работали.

Большинство нечеченского населения уехало. Люди продавали квартиры за бесценок, бросали всё и уезжали в Россию, где становились беженцами, которых никто не ждал и не считал. Тех, кто остался, становилось всё меньше. Этнические чистки не были организованной кампанией с приказами и планами, но они были реальностью. Люди выдавливались страхом: убийство соседа, ограбление, записка под дверь. Никто не объявлял, что русским нельзя жить в Ичкерии. Просто русским становилось всё опаснее жить, и этот механизм работал надёжнее любых приказов. К 1994 году из города, где русские когда-то были большинством, они превратились в немногочисленное меньшинство, а потом и совсем исчезли.

Сама республика при этом распадалась изнутри. Дудаев строил государство в условиях, где государство нечем было финансировать. Армия Ичкерии на бумаге состояла из десятков тысяч бойцов, фактически это были отряды, каждый со своим командиром, своими порядками и своей лояльностью. Президентская гвардия, национальная гвардия, полки имени разных героев. Оружия хватало, дисциплины не было. Зарплаты не платились месяцами, и отряды кормились тем, что могли взять с населения и с контрабанды. Страна, которая называла себя государством, не имела ни бюджета, ни таможни, ни судов, которые бы работали вне родственных связей.

В 1993 году конфликт с легитимностью дошёл до предела. Парламент Ичкерии, избранный вместе с Дудаевым, стал оппозиционным президенту: депутаты пытались контролировать бюджет и требовать реального управления. В апреле Дудаев провёл референдум о доверии себе и парламенту, получил нужный результат и, опираясь на него, 4 июня 1993 года разогнал парламент силой. У здания были жертвы, республика увидела, что независимость обернулась властью одного человека. Конституционный суд Ичкерии попытался отстранить президента, Дудаев отменил и его. В Грозном начались аресты и обыски, часть чиновников уехала из республики.

Это стало началом открытого конфликта внутри чеченского общества. На севере республики, в Надтеречном районе, где жили казаки рядом с чеченцами и где к Дудаеву относились с настороженностью, сформировалась вооружённая оппозиция. Её ядром стал Временный совет Чеченской Республики, который возглавил Умар Автурханов, бывший руководитель администрации Надтеречного района. К совету примкнули люди с разными биографиями и мотивами. Бислан Гантамиров, бывший мэр Грозного, популярный среди горожан, создал отряд самообороны против криминала. Руслан Лабазанов, криминальный авторитет с немалым тюремным опытом, объявил себя сторонником легитимности и собрал боевую группу. Руслан Хасбулатов, бывший спикер Верховного Совета России, чеченец, пытался играть роль политического знамени, хотя реальной власти у него не было.

Все они выступали за одно и то же формально: за сохранение Чечни в составе России, за легитимность, против режима Дудаева. Но реальные мотивы были у каждого свои, и общими были только враги. Оппозиция никогда не была единым организмом. Это была коалиция, склеенная Москвой, деньгами и оружием.

Потому что Москва уже сделала свой выбор. ФСБ и её предшественница ФСК, МВД, помощники президента распределяли среди оппозиции деньги и оружие. Спецслужбы вели в Чечне настоящую тайную войну за год до открытой. В Москве считали, что Дудаева можно сва-

лить руками самих чеченцев, а потом мирно «восстановить конституционное пространство». Это была самоуверенность, которая обошлась стране в годы войны.

С лета 1994 года между сторонниками Дудаева и оппозицией начались настоящие боевые действия. В Гудермесе, в Урус-Мартане, на улицах Грозного стреляли из гранатомётов и пулемётов. Ни одна из сторон не могла взять верх. Население смотрело на всё это с растущим ужасом: гражданская война внутри маленького народа всегда самая жестокая, потому что в ней нет «чужих», есть только свои, разделённые на две части.

Общество в эти годы жило в двойном напряжении. С одной стороны, повседневность: рынки, свадьбы, похороны, учёба, работы по дому. С другой стороны, постоянная угроза: похищение, расплата, облава оппозиции или президента. Дудаев терял популярность медленно: часть общества была довольна тем, что налоги не платятся, а Москва далеко. Часть, особенно городская интеллигенция и старики, видела, что независимость обернулась хаосом, и ждала перемен. Антидудаевские митинги 1994 года собирали тысячи людей, требовали отставки и выборов. Но та же толпа не хотела возвращения России: опросы того времени показывали, что против Дудаева и против Москвы можно быть одновременно.

Осенью оппозиция трижды пыталась штурмовать Грозный. В октябре отряды Гантамирова и Лабазанова вошли в город и несколько дней держали часть центра, потом отступили. В ноябре попытались снова. Финалом стал штурм 26 ноября, о котором стоит рассказать отдельно, потому что именно он толкнул Москву к военному решению.

В ночь на 26 ноября 1994 года колонны танков вошли в Грозный со стороны Ханкалы и северных окраин. Всего их было около двух десятков. По официальной версии Москвы, танки принадлежали оппозиции, купившей их у военных. На деле экипажи были из российских частей, из Кантемировской танковой и Таманской мотострелковой дивизий, из состава, подписавшего контракт с ФСК. Атака провалилась за считанные часы. Оборона города оказалась организованной лучше, чем ожидалось: Дудаев ещё летом объявил мобилизацию, вокруг Грозного рыли окопы, готовили засады. Танки без пехоты на узких улицах стали мишенями. Часть сожгли на месте, часть экипажи бросили сами.

На следующий день по телевидению показали пленных российских офицеров. Они говорили в камеру, что подписали контракт и ехали воевать за деньги, что им обещали «учения». Это было публичное унижение для Москвы. Официальные лица продолжали отрицать участие регулярной армии, но каждый телезритель видел форму, имена, звания. Грачев потом скажет, что танкисты «не туда поехали», и эта фраза войдёт в анналы цинизма. Пленных через несколько недель обменяли, но урон уже был нанесён.

26 ноября всё изменилось. Теперь Москва должна была либо признать провал тайной войны, либо перейти к открытой. Выбор сделали за десять дней.

Глава 3. Оппозиция против Дудаева

Стоит остановиться на оппозиции подробнее, потому что именно через неё Москва пришла к войне, и именно её крах объясняет, почему война началась такой, какой началась.

Умар Автурханов, глава Временного совета, был администратором, а не полководцем. Его сила заключалась в том, что он был признан Москвой как легитимная власть Чечни. В начале осени 1994 года совет был официально оформлен как «единственный законный орган» республики, ему передавали деньги и технику. Планировалось, что после падения Дудаева Автурханов возглавит переходный период. Сам он военными делами занимался мало, полагаясь на командиров со стороны.

Бислан Гантамиров, бывший мэр Грозного, был фигурой сложной. Он пришел из криминального мира, но в городе имел репутацию человека, который защищал простых людей от бандитов. Его отряд самообороны был реальной силой с боевым опытом. В 1993 году Гантамиров открыто выступил против Дудаева, был арестован, потом освобождён. После этого пути назад не было. В осенних штурмах его люди действовали лучше остальных оппозиционных формирований, но и они не могли сравниться по подготовке с дудаевской национальной гвардией.

Руслан Лабазанов олицетворял ту часть чеченского общества, которая от войны выигрывала всегда. Его люди воевали жёстко и мародёрствовали, что не добавляло оппозиции симпатий населения. После провала ноябрьского штурма он попытался самостоятельно захватить власть в Грозном, был ранен и позже убит.

Руслан Хасбулатов после октябрьских событий 1993 года в Москве, когда парламент расстреляли из танков, временами наезжал в Чечню, выступал, предлагал себя посредником и кандидатом в главы республики. Но Дудаев его публично отверг, а Москва видела в нём неудобную фигуру со своей позицией. Он остался пустым политиканом, который мог произносить речи, но не мог сформировать ни одного отряда.

Военная сторона оппозиции была слабее её политической упаковки. Отряды насчитывали от нескольких сотен до пары тысяч человек, вооружены были смешанно: у кого-то автомат Калашникова со складов, у кого-то охотничье ружьё, у кого-то и этого не было. Артиллерии почти не было, связи не было, единого командования не было. Ополченцы из Надтеречного района воевали за идею, добровольцы Лабазанова за деньги, люди Гантамирова за свой город. Смешать эти мотивы в одну армию не удавалось, и потому каждый штурм Грозного выглядел как колонна групп, идущих рядом, но не вместе. Дудаевская сторона, напротив, уже прошла этап сборки: её отряды имели командиров, знавших и доверявших друг другу, и штаб, который планировал. Эту разницу чувствовал каждый, кто видел осенние бои 1994 года своими глазами.

Оппозиция считала, что чеченское общество устало от Дудаева и ждёт освободителей. Отчасти это было правдой: экономика лежала, криминал задушил, на митингах люди действительно роптали. Но общество ненавидело не только Дудаева. Оно ненавидело и Москву, которая бросила республику в 1991-м, и любые «добровольцы» с российской пропиской воспринимались как чужие. Оппозиция не могла этого понять, потому что разговаривала сама с собой и со своими московскими кураторами.

Три осенних штурма Грозного в октябре и ноябре 1994 года показали реальный расклад. Дудаевские формирования, которые Москва записывала в «банды», оказались способной армией. У них были командиры, которые умели воевать: Аслан Масхадов, начальник штаба, профессиональный военный, полковник, сумел организовать оборону города по военным правилам, с секторами, резервами, фальшивыми позициями. У них было население, которое информировало о передвижениях оппозиции. У них был город, который они знали.

26 ноября эти формирования сожгли танковую колонну. Несколько десятков танков с экипажами из подмосковных дивизий вошли в город и были остановлены и частично уничтожены за один день. Потери оппозиции и военных были ощутимыми, пленные попали в эфир. Для Дудаева это была победа, которую он использовал на полную: радиостанции Ичкерии говорили о разгроме российских войск.

Пленных офицеров через несколько недель обменяли, но политический урон уже нельзя было исправить. В Думе требовали объяснений, военная прокуратура тихо вела дело и тихо его закрыла, никто не ответил за то, что военнослужащие регулярной армии оказались в операции, которую официально отрицали. Этот эпизод показал ещё одно: решение о войне принималось без парламента, без публичной дискуссии, без ответственности. Страна узнала о войне, когда её уже начали.

Для Москвы 26 ноября стал датой, после которой отступать было некуда. Пленные офицеры сидели в грозненском подвале, вся страна знала их имена. Любое затягивание означало признание, что Российская Федерация посылала военнослужащих воевать против одного из своих субъектов, и это провалилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.